

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Читайте романы Натальи Александровой
в серии «Артефакт & Детектив»:

- Хранитель Чаши Грааля
- Клавесин Марии-Антуанетты
- Сокровища Ирода
- Завещание алхимика
- Кинжал всевластия
- Шкатулка Люцифера
- Клад Наполеона
- Тайна золота инков
- Последний ученик да Винчи
- Волшебный город
- Талисман египетской царицы
- Легенда о «Ночном дозоре»
- Венец Чингисхана
- Проклятие Осириса
- Последняя загадка Ивана Грозного
- Маска Нерона
- Медальон инквизитора
- Табакерка Робеспьера
- Дублон капитана Флинта
- Зеркало Лукреции Борджиа
- Клинок князя Дракулы
- Перстень Екатерины Великой
- Ожерелье казненной королевы
- Ларец графа Сен-Жермен
- Монета Александра Македонского
- Приворотный амулет Казановы
- Наследство Марко Поло
- Меч с берегов Валгаллы
- Звезда Ассирийского царя
- Золото Атлантиды
- Осколок Тунгусского метеорита
- Волшебный компас Колумба
- Неизвестный шедевр Рембрандта
- Амулет снежного человека
- Ключ Гермеса Трисмегиста
- Ожерелье богини Кали
- Завещание короля Балдуина
- Амулет Великого Слона
- Колокольчики династии Минь
- Золотая булавка Юлия Цезаря

- Фермуар последней фрейлины
- Волшебные стрелы Робин Гуда
- Крест княгини Ольги
- Тайна тринадцати апостолов
- Перстень Ивана Грозного
- Последняя драма Шекспира
- Венец скифского царя
- Священный крест тамплиеров
- Алмаз лорда Гамильтона
- Гребень Маты Хари
- Перчатка немецкого рыцаря
- Загадка уральской Мадонны
- Часослов Бориса Годунова
- Стекланный сад
- Щит царя Леонида
- Тайна турецкого паши
- Печать Иоганна Гуттенберга
- Четки Изабеллы Кастильской
- Каменя римской куртизанки
- Сокровище великого Могола
- Ладанка Жанны д'Арк
- Шумерская погремушка
- Смертельный инструмент ацтеков
- Абиссинское заклинание
- Венец царицы Тамары
- Дар царицы Савской
- Часы Зигмунда Фрейда
- Кубок королевы Розамунды
- Жезл Эхнатона
- Медальон Распутина
- Исчезнувший рог Минотавра
- Мальтийский крест Павла Первого
- Кольцо княжны Таракановой
- Тайна багрового камня
- Секрет золотой карусели
- Лорнет герцогини де Рошфор
- Лампа палладины
- Чаша Герострата

**Сериал «Венецианский квартет.
Крест святого Петра»**

- Таинственный сапфир апостола Петра
- Магический камень апостола Петра
- Огненный рубин апостола Петра
- Священный изумруд апостола Петра

**Наталья
Александрова**

**ЖЕЗЛ
ЭХНАТОНА**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Жезл Эхнатона : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197282-0

Древнеегипетский фараон Эхнатон решил пошатнуть могущественную касту жрецов, уменьшить их власть и влияние, в этом деле ему помог магический жезл... У Аманды было тяжелое детство, и только встреча с известным ученым Михаилом Филаретовичем, который помогал ей и опекал девочку, изменила ее жизнь. Филаретович устроил ее на работу в Музей древнеегипетских древностей. Внезапно он умер, и Аманда решила узнать настоящую причину смерти ученого. Перед кончиной он звонил по телефону и услышал что-то, отчего у него остановилось сердце...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197282-0

© Александрова Н.Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

— Ты чего это? Ты что это тут лежишь? Ты это почему? Кто тебя уполномочил? Я с трудом разлепила глаза и увидела над собой круглое, растерянное, озабоченное лицо. Лицо это медленно плыло по кругу, тихонько поскрипывая, как будто я кружусь на детской заржавленной карусели.

Лицо это было мне смутно знакомо...

Я попыталась вспомнить, откуда я его — это лицо — знаю, и вообще, где я нахожусь, но от этой попытки карусель закружилась еще быстрее, а в голове вспыхнула боль.

— Воды... — пролепетала я из последних сил.

Почему-то мне показалось, что вода — это именно то, что мне сейчас нужно.

Круглое лицо исчезло, а потом перед моими губами появился стакан с водой.

Я потянулась к стакану, сделала неуверенный глоток.

Половина воды выплеснулась на меня, но что-то я все же выпила, и, как ни странно, от этого мне стало немного легче.

Карусель замедлила свое движение, а потом и вообще остановилась.

Я осознала, что лежу на темном паркетном полу в чужой квартире... хотя квартира эта была мне знакома...

Пазл в моей голове начал понемногу складываться.

Я пришла в квартиру Михаила Филаретовича, чтобы поискать материалы к его последней статье... меня послал сюда новый директор, Азадовский...

Но как я оказалась на полу?

Надо мной снова склонилось то же озабоченное круглое лицо. На этот раз я узнала эту женщину — это была Надежда Степановна, домработница Михаила Филаретовича.

— Девонька, ты как сюда попала?

Действительно, как?

Память моя постепенно возвращалась.

Я вспомнила, что подошла к двери квартиры, хотела позвонить — но тут увидела, что дверь открыта.

Я вошла в квартиру и громко проговорила:

— Надежда Степановна, это я, Аманда! У вас дверь не закрыта, так я и вошла!

Мне никто не ответил, но из глубины квартиры доносились какие-то странные звуки. Наверное, домработница наводит порядок... хотя какой теперь в этом смысл?

Я пошла на этот звук, миновала прихожую и коридор, толкнула дверь кабинета...

И тут в голове у меня что-то взорвалось, и я провалилась в вязкую темноту...

Хотя темнота эта была не полная — она клубилась багровым клокочущим туманом, сквозь который проступали странные, фантастические

фигуры — там был человек с головой шакала, и другой — с головой сокола, и женщина с головой львицы... все эти странные существа окружили меня, и обматывали мое тело каким-то широким бинтом, и при этом пели на непонятном языке...

А потом я очнулась от голоса Надежды Степановны.

Я провела рукой по лицу и села.

Голова уже не так кружилась, и я смогла оглядеться.

Я и правда сидела на полу в кабинете Михаила Филаретовича, рядом со мной стояла его домработница, лицо ее было озабоченным.

— Да что же с тобой случилось? — повторила она. — Я пришла, а дверь-то открыта, смотрю — а ты на полу лежишь...

— Сама не знаю... — пролепетала я плохо слушающимся языком. — Вдруг голова закружилась — и хлоп...

Отчего-то мне не хотелось рассказывать, как все было на самом деле. Да и знала ли я это?

Вдруг на лице женщины вспыхнула догадка.

— Так ты, наверное, беременная?

— Вот уж точно нет! — отмахнулась я.

— Ну, тогда я и не знаю... ты встать-то можешь?

Я уперлась в пол и встала.

Комната немного покачалась, и наконец все встало на свои места.

И в голове у меня тоже восстановился порядок, я вспомнила всю последовательность событий, в результате которых я оказалась на полу в этой комнате.

Началось все с того, что Михаил Филаретович не пришел на работу. Казалось бы, что такого? Может быть, заболел или просто проспал... со всяким может случиться.

Со всяким, но только не с ним, не с Михаилом Филаретовичем. За пятнадцать лет, что он проработал в музее, сначала научным сотрудником, а потом директором, он не пропустил ни одного дня. И не опоздал ни разу.

Понятно, что я это знаю с чужих слов, но та же Роза Витальевна, Секретарь (именно так — с большой буквы, и уж ни в коем случае не секретарша), клянется, что никогда такого не было. Поэтому она сразу забеспокоилась.

А тут еще срочно понадобилась подпись директора на каком-то документе, и Азадовский велел Розе позвонить Михаилу Филаретовичу.

Мобильным наш директор не пользовался, и Роза Витальевна позвонила ему домой.

И ей ответила рыдающая домработница, эта самая Надежда Степановна. И сквозь рыдания удалось разобрать, что она, придя в квартиру, нашла Михаила Филаретовича бездыханным на полу в собственном кабинете. Вызвала «Скорую», но врач только констатировал смерть.

И тут Азадовский, заместитель директора, который прежде занимался только хозяйственными и финансовыми вопросами, в одну секунду расцвел махровым цветом.

Первым делом он подписал тот самый документ, где требовалась подпись директора (у него, оказывается, тоже было право подписи), затем перебрался в кабинет Михаила Филаретовича и стал отвечать

по его телефону. А потом взялся за организацию похорон.

Ну, с ним никто особенно и не спорил — во-первых, он же как-никак заместитель покойного. А во-вторых, все остальные, в частности та же Роза Витальевна, так расстроились, что не в состоянии были заниматься таким сложным и ответственным делом, как похороны.

А Азадовский — хоть бы что.

Он мгновенно все организовал, все устроил, позвонил куда надо...

И тут выяснилось, что у нас в музее нет ни одной фотографии покойного директора. То есть ни одной достаточно приличной, чтобы выставить в холле перед входом. И Азадовский тут же отправил меня к нему домой за этой самой фотографией.

Почему меня?

А кого же еще? Я ведь в его глазах была девочкой на побегушках!

Да я, в принципе, и не спорила. С Азадовским спорить — себе дороже. И съездить последний раз к Михаилу Филаретовичу мне было совсем не трудно.

Это я тогда думала, что последний...

Короче, я приехала в его квартиру, застала там заплаканную домработницу. Надежда Степановна не знала, где найти фотографию, отправила меня в кабинет и велела искать самой.

— Я сюда и заходить больше не хочу! — всхлипывала она. — Я ведь здесь его нашла... вот тут, возле стола... с трубкой телефонной в руке...

— С трубкой? — переспросила я машинально.

— Ну да, видно, разговаривал с кем-то — тут-то смерть за ним и пришла... Или плохо себя почув-

ствовал, хотел «Скорую» вызвать, да не успел... — Домработница бурно разрыдалась и выбежала из кабинета.

Я проводила ее неодобрительным взглядом.

Не подумайте, что я сама не расстроилась из-за смерти Михаила Филаретовича. Может, я еще больше расстроилась, чем все остальные, потому что... да не важно почему. Просто я не люблю демонстрировать на людях свои эмоции. Откровенно говоря, их у меня и нет почти. Такая уж я от природы...

Оставшись одна, я принялась за поиски фотографий. Ну, для начала я перерыла все ящики стола, но ничего не нашла. В общем, я подозревала, что это будет непросто — Михаил Филаретович был человек скромный и фотографироваться не любил.

Да еще меня все время преследовали слова Надежды Степановны: «Здесь я его и нашла, с телефонной трубкой в руке», — так что я все время косила на то место, мне все время казалось, что там все еще лежит Филаретыч...

Наконец я все же нашла пару подходящих фотографий и хотела уже уйти, но снова вспомнила слова Надежды Степановны:

«Видно, разговаривал с кем-то, когда смерть за ним пришла...»

С кем же он разговаривал? И не был ли этот разговор причиной смерти?

Я взглянула на телефон, который стоял на столе.

Телефон был хотя и старый, но довольно навороченный, с памятью и автоответчиком. И что-то меня словно подтолкнуло — я сняла крышку и вытащила из аппарата карту памяти. И только после этого отправилась обратно на работу.

Азадовский на меня наорал — мол, что так долго, тебя только за смертью посылать...

Очень это у него уместно получилось, насчет смерти!

Я, конечно, не выдержала и ответила ему достойно. Мол, ищите другую дуру, которая за такие гроши будет выполнять все ваши поручения и еще лебезить перед вами.

Он от удивления потерял дар речи.

Но потом... думаете, он меня уволил или наорал?

Он и слова не сказал!

Вот так и надо всегда — давать отпор хамам! Не подумайте, что я почувствовала удовлетворение, мне на него плевать.

Тогда я развернулась и ушла. И дверью даже не хлопнула — все же директор умер, нужно потише себя вести.

В музее царили, по выражению того же Михаила Филаретовича, разброд и шатание, сотрудники как потерянные бродили между экспонатами, собирались по двое-трое и перешептывались, боязливо оглядываясь на кабинет директора. Для посетителей музей был закрыт.

На следующий день были назначены похороны. Народу пришло много — Михаила Филаретовича в городе знали. В основном коллеги, бывшие соученики, чиновники от культуры — ну, эти по обязанности.

Было много речей, играла траурная музыка — в общем, ничего интересного. Противно только было наблюдать, как Азадовский юлил перед городским начальством: наклонялся, заглядывал им в гла-

за, угодливо улыбался, только что хвостом не вилял. Впрочем, может, и вилял, под одеждой не видно.

Потом в музее был выходной, но новый директор, назначенный официально, распорядился, чтобы сотрудники явились на работу. Дескать, нечего расслабляться, и так сколько времени зря потратили. Так и сказал — зря. Это когда мы все на похороны пошли.

Я не удержалась тогда и громко фыркнула. Азадовский посмотрел на меня... я сказала бы, что волком, но куда ему до волка, он больше на шакала смахивает. Такой противный шакал Табаки из мультфильма: «А мы уйдем на север!»

Остальные сотрудники промолчали, так что инцидент был исчерпан. А я поняла, что недолго мне в музее работать. Азадовский — очень злопамятная сволочь. Да и ладно, раз Филаретыча больше нет, то и мне тут делать нечего.

Однако когда Азадовскому следующий раз понадобилось кого-то послать в квартиру покойного директора, он снова отправил меня.

И вот чем это кончилось.

Я приехала, вошла в подъезд, увидела открытую дверь квартиры... ну, остальное я уже рассказывала.

— Ты точно не беременная? — недоверчиво повторила Надежда Степановна.

— Да ничего подобного! — огрызнулась я.

— А чего ж тогда упала? Молодая, здоровая... — Она так посмотрела на меня, как будто молодость и здоровье стоят на первом месте в списке смертных грехов. — И вообще, как ты в квартиру-то попала?

— Дверь была открыта.

— Да что ты несешь? Я только и вышла, ведро мусорное вынести, и дверь непременно закрыла!

— Говорю вам — открыто было! Иначе как я сюда могла попасть? Ключей у меня нет!

— Вот уж не знаю! — Надежда Степановна поджала губы. — И перерыла тут все! Я порядок навела, прибралась тут, а ты все выворотила! Совесть надо иметь? Я хотела после себя все в порядке оставить, а теперь ужас что творится...

Она продолжала что-то недовольно бухтеть, а я огляделась.

И правда, в кабинете все было перевернуто вверх дном, ящики из письменного стола выдернуты, их содержимое разбросано по полу. А ведь прошлый раз, когда я приходила за фотографией, здесь был полный порядок... Домработница, хоть и ворчлива не в меру, но дело свое знает, квартира вылизана была. Ни пылинки.

— Совсем вы, молодые, чужой труд не уважаете! — возмущенно припечатала Надежда Степановна.

— Да говорю же вам — я ничего тут не трогала! Я только вошла в кабинет, тут же и отключилась!

— Кто ж тогда тут накуролесил? — процедила домработница недоверчиво. — И вообще, зачем ты пришла?

— Начальник прислал за статьей, — отмахнулась я, и сама себе удивилась — что это я перед ней оправдываюсь?

Хотя сказала ей я чистую правду — Азадовский на этот раз отправил меня сюда за текстом статьи, которую Михаил Филаретович готовил в последнее время. Статья была посвящена фараону Эхнатону

и предназначалась для каталога выставки, которая вскоре должна была открыться в нашем музее.

— Ну так бери свою статью да отправляйся, а я снова тут буду порядок наводить! Приберу, да сдам ключи управляющему под расписку, тогда уж сами тут разбирайтесь! — Она фыркнула и вышла в коридор, напоследок хлопнув дверью.

Я перевела дыхание и прислушалась к себе.

Чувствовала я себя более-менее нормально, только немного болел затылок. Я пощупала то место, где притаилась боль, и нащупала там под волосами здоровенную, растущую на глазах шишку и еще ссадину, которая немного кровила.

Ударилась об пол, когда упала?

Непохоже... на полу ковер, и такой ссадины не могло получиться при падении.

Тогда что же это выходит?

Выходит, меня кто-то приложил по голове?

Но кто?

Надежда Степановна говорит, что уходила вынести мусор и дверь заперла. Вообще-то я ей верю, это же надо совсем умом тронуться, чтобы квартиру открытой оставить хоть на пять минут. Она — тетка аккуратная, ответственная.

Выходит, в квартире был кто-то другой... этот кто-то хозяйничал в кабинете Михаила Филаретовича, что-то искал, и когда я вошла — ударил меня по голове и сбежал...

Бред какой-то!

Хотя... все возможно. И вот, если бы я не пришла, то он бы Надежду по башке тюкнул. Так она не ворчать должна, а мне благодарность объявить. Но фиг дожدهшься.

Может, сюда залез какой-то вор-домушник, искал в кабинете деньги и ценности, а я оказалась не в то время и не в том месте...

Тут я заметила валявшийся на полу телефон. Сам аппарат не разбился, но задняя стенка была снята. Я сама так сделала в прошлый свой приход, чтобы вытащить из телефона карту памяти.

Это интересно. Следует хорошенько над этим подумать.

Но это потом, а пока мне нужно найти статью, за которой меня послал Азадовский, и возвращаться на работу в музей.

Я собрала бумаги, разбросанные на полу, разложила их на столе, и среди них скоро нашла ту самую статью, над которой перед смертью работал Михаил Филаретович. Статья называлась «Зачатки монотеизма в реформах фараона Эхнатона».

Я собрала все листочки, сложила в сумку и вышла в коридор.

Из соседней комнаты доносился шум пылесоса.

— Надежда Степановна, я ухожу! Закройте за мной!

Пылесос замолк, домработница вышла в коридор.

— Ну, я все нашла...

— Ну и ладно. Я сейчас здесь порядок наведу и сдам ключи. Дальше вы сами с управляющим разбейтесь, как хотите, так и делайте! Меня это больше не касается. Закончилась моя служба здесь... — Голос ее дрогнул.

Я вышла из квартиры, спустилась по лестнице.

Подъезд, где жил Филаретыч, выходил во двор.

Типичный питерский двор-колодец, куда солнце заглядывает в лучшем случае на полчаса. Из этого двора проходная арка выходит на набережную канала Грибоедова. Туда я и пошла.

Но как только я вошла в темную арку, вдруг впереди зазвучало какое-то заунывное пение и в арке стало еще темнее, потому что выход из нее загородила какая-то странная фигура.

Это был человек с собачьей головой...

Меня охватил озноб.

Я вспомнила видение, которое промелькнуло перед моим внутренним взором в момент беспмятства.

Тогда мне тоже привиделись фигуры с головами животных — сокола, львицы, шакала... Они, эти странные существа, обматывали меня широким бинтом и пели какой-то заунывный хорал...

И вот сейчас, наяву, под звуки такого же унылого, потустороннего хорала ко мне приближался человек с головой собаки или, может быть, шакала...

Первым моим побуждением было броситься наутек, как можно скорее и дальше, но ноги меня не слушались. Я задрожала и прижалась спиной к стене, чтобы не упасть. А он, этот страшный человек (и человек ли?), неотвратимо приближался ко мне...

Все ближе и ближе...

Нас разделяло всего несколько шагов.

Ужас сковал меня.

А потустороннее существо приблизилось, поравнялось со мной под звуки потустороннего песнопения...

И тут, когда я была уже на грани беспамятства, в темноту арки проник какой-то случайный луч света и упал на это фантастическое создание.

И я с изумлением поняла, что это — не призрак, не загробное видение, не египетский бог Анубис, а обычный человек, мужчина лет сорока, который несет на руках собаку... собственно, даже не взрослую собаку, а большого щенка, скорее всего маламута.

И тут же я узнала музыку — это было не какое-то потустороннее пение, а запись немецкой группы Enigma, созданная на основе григорианских хоралов. Видимо, хозяин собаки слушал эту музыку на плеере, только почему-то не через наушники, а через динамик. И заунывное средневековое пение наполнило до краев гулкое пространство питерской подворотни.

— Девушка, что с вами? — проговорил мужчина озабоченно. — Вам плохо?

— Нет... я... я просто испугалась... — пролепетала я, кивнув на его пса.

— Что? — переспросил он удивленно. — Вы испугались Рея? Да он совсем безобидный, и он вообще еще щенок... я его к ветеринару возил, а обратно, видите, пришлось от машины на руках нести, он еще не отошел от наркоза... Или вы вообще собак боитесь? — догадался он.

— Да никого я не боюсь! — Я рассердилась на саму себя за то, как глупо себя веду, и, как водится, перенесла эту обиду на постороннего, ни в чем не повинного человека.

— Ну, смотрите... — проговорил он недоуменно.

А я опустила голову и решительно зашагала вперед.

При этом я думала о нескольких неприятных вещах.

Во-первых, что со мной происходит? Чего я вдруг так испугалась? Я никогда не была трусихой! Подумаешь, человек нес на руках собаку! Вот если бы собака несла человека — это было бы удивительно... шучу.

Второе, и гораздо более серьезное — кто ударил меня по голове? И кто, соответственно, хозяйничал перед моим приходом в кабинете Михаила Филаретовича? И что этот кто-то там искал?

Вот не верила я, что это простой домушник! Тем более, что снятая задняя стенка телефона говорила кое о чем. То есть этот тип искал карту памяти телефона? Или случайно уронил его на пол...

Тут я вспомнила рассказ домработницы, что Михаил Филаретович умер с трубкой в руках. И тетка растерялась и не посмотрела, куда же он звонил. Или ему звонили. И во время этого разговора он, и... жалко все-таки старика, уж от него-то я точно не видела ничего, кроме хорошего.

С такими мыслями я очень скоро вернулась в музей.

Надо, наконец, сказать о нем два слова.

Музей, где я работаю, необычный. В нем нет ни картин, ни фарфора, ни игрушек. Он возник в начале девяностых годов, когда закрыли знаменитый Музей религии и атеизма, находившийся в Казанском соборе. Сам собор передали церкви, а экспонаты музея разделили между несколькими новыми

экспозициями. В том числе все предметы, имевшие отношение к Древнему Египту и вообще всему восточному, перевезли в особняк барона Райснера и создали там Музей древних религий Востока. Возглавил новый музей известный египтолог Михаил Филаретович Вишневецкий, или Филаретыч, как называли его близкие друзья. К коим и я себя причисляю.

Я вошла в холл музея, кивнула двум египетским статуям, которые стояли по бокам лестницы вместо вахтеров, прошла мимо гранитного саркофага, поднялась на второй этаж и вошла в приемную перед директорским кабинетом.

Там я застала Розу Витальевну.

Роза сидела на своем неизменном месте, но глаза у нее были красные и нос тоже. Ясно было, что она только что плакала.

— Что случилось? — спросила я удивленно.

Роза Витальевна — не тот человек, чтобы плакать без повода. Да я ее вообще никогда не видела плачущей, кроме того дня, когда умер Михаил Филаретович.

Она подняла на меня глаза и махнула рукой:

— И не спрашивай!

Но тем не менее тут же продолжила:

— Это Азадовский... он с цепи сорвался! Закусил удила! Пошел вразнос! Мало того что занял кабинет Михаила Филаретовича, не дождавшись, пока его труп остынет, так он теперь хочет все здесь изменить! Он... он... меня... хочет уволить! Меня! — И она снова зарыдала.

Да, это действительно серьезно... Роза Витальевна работает в музее с самого его основания, как и

Михаил Филаретович. Уволить ее — это... это все равно что убрать из холла гранитных привратников!

Но у меня были свои собственные проблемы.

Я сочувственно покачала головой и вошла в кабинет директора.

Азадовский поднял на меня тусклый оловянный взгляд и процедил своим противным гнусавым голосом:

— Карасева, где ты пропадала?

— Там, куда вы меня посылали, — отрезала я холодно, — ездила за статьей Михаила Филаретовича. И с какого перепугу вы ко мне обращаетесь на «ты»? Мы вроде не родственники.

Он позеленел, со свистом выпустил воздух сквозь сжатые зубы и протянул руку:

— Давай... те статью!

Я протянула ему стопку листов. Он пробежал глазами первую страницу и снова поднял на меня глаза:

— Что ты... что вы мне принесли, Карасева?

— Что нашла, то и принесла! Это та самая статья, о которой вы говорили...

— Это — статья? — выдохнул он. — Это безобразие! Сплошные ошибки! В таком виде это нельзя печатать! Подумать только — «Ортефакт»! Вопиющая безграмотность! А здесь вообще — вместо прошлого «прожлое»... это просто уму непостижимо!

Я взглянула на распечатку. И правда, она пестрела ошибками. Странно, Михаил Филаретович был человек очень образованный.

Мне стало за него обидно, и я фыркнула:

— Я-то тут при чем?